

ПАРТИЗАНСКАЯ БЫЛЬ

ТИХИЙ ночной лес. Видел я такой массив с девственными елями, бу- реломом и непуганым зверьем в до- линах между Вислой, Пилицей и Нидой, на покатых склонах Свентокшижских гор — в самом центре Польши, на земле келецкой, в тех местах, где творил великий Генрик Сенкевич.

Водили меня в глухие чащобы бывшие партизаны, и они сами едва угадывали после многих лет мирной жизни старательно упрятанные природой военные тропы и места недолгих стоянок «лес- ных людей».

И вот снова лес. Почти настоящий и настороженный, сохранивший свою есте- ственную загадочность и неприступность. Только теперь он почти во весь свой рост стал перед утихшим залом на сцене московского Малого театра, как бы за- слонив собой горстку отважных народ- ных мстителей. Варшавский театр «Кла- сичны» показывает свое музыкальное представление «Сегодня я не смогу к тебе прийти...».

...Пели в давние времена менестре- ли о бесстрашии и страхе, о любви и ненависти, проникая словом и музы- кой поэзии глубоко в души слушате- лей. Давая человеку возможность ра- зобраться в добром и злом. В своих чувствах.

На московской сцене сегодня тоже царствует поэтическая лира и повеству- ет всеми своими струнами о том, как- им мужественным был человек в труд- ные для его родины годы.

Нет в польском искусстве творче- ской мастерской, где бы не разраба- тывалась тема второй мировой вой- ны. Она в плакатах графиков и по- лотнах живописи, в книгах поэтов и писателей, документальных и худо- жественных фильмах. Мне вспоми- нается великолепная лента польских кинематографистов послевоенных лет «Запрещенные песенки», где главным героем становится мелодия уличных музыкантов. Песни откликались на все события войны, поднимая дух людей. А в партизанских лесах гар- моника звала к героизму молодых бойцов, согревала душу воина после тяжелых рейдов и смертельных схва- ток с врагом.

Пришли другие времена на освобож- денную польскую землю, и новая песня, став на гражданскую вахту, как бы от- пускала старую на покой. Но песни во- енных лет все же остались, ибо это не только слова и мелодии. И авторы спек- такля в театре «Классичны» Лех Будре- цки и Ирениуш Каницки (повторяя их же слова) попытались с помощью пар- тизанской песни создать необычный сце- нический образ.

Как много надо было найти средств для воплощения столь сложного замы- сла в таком необычном представлении. Замечательно справилась со своей зада- чей художница Ирэна Скочень, создав- шая такую правдивую атмосферу для новой жизни партизанской песни в 1969 году.

Убедительным прологом спектакля стали сцены клятвы партизан. И ты ве- ришь в слова и поступки героев, людей, которые «прошли через войны под ру- ку со смертью».

Заголовок спектакля взят из песни. И не случайно. Я еще и еще раз перечи- тываю стихи, которым режиссер-поста- новщик Ирениуш Каницки отвел такое значимое место в представлении...

— Сегодня не смогу к тебе прийти, любимая, так как ждет меня лес и то- варищи-партизаны, — говорит боец де- шушке и просит:

Если не вернусь весною,
Поле пусть распахнет брат.
Кости зарастут травой,
Ветер в ней засеет мак.

Выйди в поле утром рано,
Приласкай колосы прядь.
Я воскресну теплым хлебом
Поцелуй тебе отдать...

И московский зритель понимает тех людей в партизанском лесу. Чув- ствуешь, как на какое-то время исче- зают все условности сцены и драма- тизм становится настоящим. Люди в за- ле вдруг начинают ощущать, что они — часть отряда бойцов Сопротивления, будто и для них с такой мольбой тре- бует оружие радист. Вместе с парти- занами они влюбляются в Наталию, «что как ветер, что как шум лесной, что как запах ландышей...».

В сцене «Наталия» ни слова не го- ворится о молодом польском поэте Вацлаве Боярском, авторе песни «Наталия», которого фашисты смер- тельно ранили у памятника Копер- нику в Варшаве и который перед смертью обвенчался с девушкой из подполья с партизанским именем Наталия. Но сила воздействия этой сцены на зрителя не стала от этого слабее. Порой становится даже уди- вительным, что режиссер и актеры отказываются от многих выигрыш- ных деталей. Но, может быть, именно в этой строгости и заложен тот уди- вительный по своей силе реалистиче- ский эффект постановки.

Тема войны, как и горе войны, — необъятна. Поэтому с такой продуман- ной скупостью строился весь спектакль, в котором есть и материн- ское горе, и детская непосредствен- ность, и скупая улыбка бойца.

Есть в спектакле трагизм и нет безысходности. Даже когда падают в сражение бойцы, когда гитлеровцы расстреливают патриотов, когда гиб- нет весь отряд, попавший во враже- ское окружение — рядом со смертью живет светлая вера в будущее. Она в строках песни поэта Тадеуша Гай- цы, который незадолго до своей гиб- ели на баррикадах Варшавского вос- стания писал в стихотворении: «До свидания, моя маленькая, дай мне еще раз поцеловать тебя. А когда от- воюю мою землю, принесу тебе в по- дарок снег с высоких гор, ветер с далеких полей, песни сказочных мест...»

Совершенно очевидно, что создатели спектакля не ставили перед собой зада- чи показать всю историю борьбы поль- ского народа с гитлеровскими оккупан- тами. Но в нескольких сценах бойцы по- кидают родные леса, и мы как бы встре- чаемся с ними на берегах Оки, где формировались первые соединения поль- ской Народной армии. Или на склонах Монте-Касино в Италии, где красные ма- ки обгарили кровью польского сол- дата.

Много раз в тот вечер зритель вызывал на сцену великолепных актеров польско- го театра, художницу и режиссера-по- становщика. Мне показалось, что почти третью часть программы гостям при- шлось повторить и напоследок спеть песню дальневосточных партизан времен гражданской войны «По долинам и по взгорьям». И было еще много цветов.

После спектакля мы сидели в ком- нате Ермоловой за кулисами Малого театра с главным режиссером и ди- ректором театра «Классичны» Ирениу- шем Каницким. Несколькими лет назад я брал интервью у актера Каницкого в Варшаве за несколько минут до его выхода на сцену. Тогда он так же был возбужден и взволнован, как и те- перь. Поэтому, что театр — вся жизнь Ирениуша. И ему радостно от такого жаркого приема москвичей.

— Наш театр называется классиче- ским, — говорит он, — но мы давно уже не придерживаемся только класси- ческого репертуара. Мы вступили в бой за утверждение того, что стало явью в нашей стране. И мы стремимся точно и ясно показать на сцене, за какие идеа- лы боремся, какова наша идеологиче- ская концепция. Растворяться в искус- стве нельзя.

Мы прощаемся. Ирениуш уносит цве- ток благодарных зрителей Москвы, а я — радость от встречи с большим искус- ством.

Ю. ПОНОМАРЕНКО.